

УДК 811.111'42

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ НЕВЕЖЛИВОСТЬ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

БЫСТРЫХ Андрей Владимирович,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
Воронежский государственный университет

АННОТАЦИЯ. Представлен критический анализ наиболее дискуссионных вопросов, касающихся феномена лингвистической невежливости. В настоящее время в отношении данной коммуникативной универсалии еще не сформировалась единая методология исследования, не до конца определенным остается и терминологический аппарат ее описания. В целях преодоления имеющихся методологических противоречий предлагается: 1) провести лингвистическую адаптацию термина невежливость для отграничения его содержания от наивно-бытового понимания невежливого поведения; 2) выдвинуть лингвистическую невежливость на передний план исследовательского интереса и признать эту форму речевого поведения в качестве ожидаемой нормы во многих типах дискурса; 3) обосновать возможность и целесообразность теоретического моделирования речевой невежливости; 4) проанализировать применимость принципа кооперации к конфликтным (невежливым) интеракциям; 5) отказаться от рассмотрения языковых единиц, коммуникативных стратегий и речевых актов как ингерентно вежливых или невежливых.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: невежливость, вежливость, конфликтное общение, речевой этикет, ингерентная невежливость, нарушение гармонии общения, теория невежливости, ликоповреждающие иллокуции.

LINGUISTIC IMPOLITENESS: DEFINITION PROBLEMS AND RESEARCH METHODOLOGY

Bystrykh A.V., Cand. Philol. Sci., Docent of the English Philology Department,
Voronezh State University

ABSTRACT. The paper gives a brief critical analysis of some key issues related to linguistic impoliteness. Researchers have not yet developed a consistent methodology for studying impoliteness, nor have they come up with unambiguous and culturally non-specific terminology to describe it. The paper claims that in order to overcome the methodological challenges facing impoliteness research it is essential to 1) technicalise the term 'impoliteness' and deprive it of its ordinary man's interpretation; 2) foreground linguistic impoliteness in discourse studies and label it as an accepted and anticipated form of behaviour in many types of discourse; 3) validate theoretical modeling of linguistic impoliteness; 4) analyse the applicability of Grice's Cooperative Principle to confrontational interactions; 5) stop viewing decontextualised language items, communicative strategies and speech acts as inherently polite or impolite.

KEY WORDS: impoliteness, politeness, confrontational discourse, speech etiquette, inherent impoliteness, communicative discord, impoliteness theory, face-damaging illocutions.

Проблема определения невежливости как коммуникативной универсалии является одной из наименее разработанных в современных дискурсивных исследованиях. Причиной этому является в первую очередь то, что изучение невежливости до сих пор продолжает оставаться в тени своего «старшего брата» – теории вежливости, которая, по единодушному мнению многих ученых, еще далека от того стройного непротиворечивого идеала, который является заветной целью многих лингвистов-теоретиков. Несмотря на то, что первый камень в фундамент теории вежливости был заложен в ставшем уже хрестоматийном труде П. Браун и С. Левинсона [1] сорок лет назад, по образному выражению Р. Уотса, «создание предисловия к любому труду, посвященному вежливости, сродни смертельной схватке с многоголовой гидрой. Едва вы отрубили одну голову, как мгновенно на ее месте вырастают другие» [2, с. 11]. Учитывая это обстоятельство, Р. Уотс дает крайне пессимистический прогноз относительно достижения консенсуса в вопросе терминологического определения понятия

«(не)вежливости»: «...[это] термин, по поводу которого исследователи спорят в настоящее время, спорили в прошлом и, по всей вероятности, будут продолжать спорить в будущем» [цит. по: 3, с. 211]. В свете этого несколько не удивительно звучит мнение Д. Бусфила о том, что теоретическое осмысление феномена невежливости до сих пор находится в стадии «младенчества» [4, с. 101]. Не последнюю роль в формировании несколько «панибратски-пренебрежительного» отношения к описанию невежливого коммуникативного поведения сыграл и тот факт, что на заре прагмалингвистических исследований фронтационные и конфликтные иллокуции единогласно рассматривались как маргинальные и девиантные формы общения [5, с. 105] и, таким образом, оставались за рамками исследовательского интереса, базирующегося на абсолютно ложном, как мы покажем далее, постулате о том, что кооперативное поведение исключает фронтацию. Отметим также и известную обескураживающую способность лингвистов вкладывать в один термин разное содержание, что более чем релевантно для определения понятия «невежливость» на современном этапе и что по понятным причинам идет вразрез с идеей создания унифицированного

© Быстрых А.В., 2017

лингвистического описания этого феномена в дискурсивном взаимодействии.

Учитывая указанные выше факты, в настоящей статье мы тезисно рассмотрим отдельные ключевые положения, которые продолжают вызывать разногласия у исследователей и без уточнения и детальной доработки которых невозможно создание унифицированной теории невежливости.

Существующие сложности описания невежливо-речевого поведения касаются в первую очередь вопроса выработки единой методологии анализа всех типов дискурсивного взаимодействия, характеризующихся такими субъективно-оценочными критериями, как «конфронтация», «конфликтность», «дисгармония», «коммуникативная неуместность» и т.д. Данные типы интеракции предлагается рассмотреть с точки зрения того, 1) как, кем и в каких условиях определенное вербальное поведение интерпретируется как невежливое; 2) поддается ли невежливое коммуникативное поведение системному описанию и осмыслению; 3) существуют ли априори (не)вежливые лингвистические средства; 4) является ли невежливость коммуникативной аномалией и как она соотносится с принципом кооперации П. Грайса; 5) где проходит демаркационная линия между лингвистической вежливостью и невежливостью. Ответы на данные вопросы в дальнейшем могут помочь смоделировать дискурсивный прототип невежливости и внести определенность в крайне противоречивое понимание данной коммуникативной универсалии, обнаруживаемое в настоящей момент в лингвистической литературе.

Терминологизация

Одним из первичных лимитирующих факторов, препятствующих унифицированному научному осмыслению феномена невежливости, является недостаточная терминологизация соответствующей лексеммы как в русском, так и в европейских языках. Лексеммы *вежливый/ невежливый, вежливость/ невежливость* (англ. *polite/ impolite, politeness/ impoliteness*) заимствуются из бытовой сферы общения со всем тем шлейфом периферийных семантических компонентов, которые они приобретали при отражении первоначального практического опыта. В результате такого искусственного преобразования общеупотребительного значения упомянутых лексем (зафиксированного в наивно-бытовом сознании говорящих) в терминологическое мы сталкиваемся с целым рядом проблем, которые только расширяют идеологический раскол, существующий в настоящее время в научном сообществе в отношении феномена (не)вежливости (подробнее об этом далее).

Во-первых, не следует забывать, что даже на примере европейских языков очевидно, что данные, казалось бы, эквивалентные лексеммы этимологически восходят к разным источникам. Так, англ. *polite* и фр. *poli* развиваются из лат. *politus*, означающего «отполированный, начищенный». В то же время русск. *вежливый* восходит к др. русск. *вѣдѣти «ведать, знать»*. Таким образом, мы наблюдаем то, что в русской и английской лингвокультурах эквивалентные общеупотребительные лексеммы *вежливый* и *polite* являются результатом познания и языковой номинации двух абсолютно различных сфер практического опыта, а точнее форм социального поведения, что не может не сказаться на наивно-бытовом представлении о вежливости в каждой культуре. Кроме того, любое строго научное описание феномена (не)вежливости не может обойтись без четко определенного и эмпириче-

ски оправданного метаязыка исследования. В отношении вежливости наиболее приемлемым и востребованным метатермином в англоязычной литературе считается лексема – *considerate «учтливый, внимательный к другим»*. Вместе с тем многочисленные кросскультурные исследования ставят под сомнение универсальность данного метатермина. Так, М. Сифьяну при опросе греческих и британских информантов устанавливает, что греки соотносят вежливость с теплотой, близостью и дружелюбием, в то время как обывательское представление британцев о вежливости сопряжено с альтруизмом, великодушием и самопожертвованием [6]. В схожих исследованиях было показано, что носители русского языка ассоциируют вежливость с воспитанностью, благожелательностью, ненаглостью, спокойствием и готовностью выслушать [7, с. 76], а японцы в качестве вежливого однозначно описывают поведение, характеризующееся социальной уместностью [8].

Очевидно, что приведенная палитра возможного метаязыка описания (не)вежливости как части социокультурного кода очень сильно размывает границы данного явления и противоречит критериям, которые должны предъявляться к истинно теоретическому осмыслению (не)вежливости как естественной дискурсивной практики, а именно критериям исчерпывающего, непротиворечивого и независящего от конкретных опытных данных описания общения и его фундаментальных принципов. В связи с этим крайне уместным выглядит призыв Дж. Лича к «техникализации» языка описания (не)вежливости [5, с. 48]. Лингвистическая специализация (адаптация) термина «невежливость» должна стать первоочередной задачей исследователей, занимающихся данной проблематикой, и основным методологическим принципом, который позволит в дальнейшем смоделировать универсальный теоретический конструкт, раскрывающий механизм невежливости как неотъемлемой характеристики речевого общения.

Невежливость как объект лингвистического анализа

Упомянутая нами маргинализация невежливости как объекта изучения в современных исследованиях, к сожалению, до сих пор остается не до конца преодоленной. Вслед за П. Браун и С. Левинсоном в классических работах по теории лингвистической вежливости [см., напр., 9; 10 и др.] приоритетная цель говорящего при вступлении в интеракцию сводится к «параноидальному» мониторингу разворачивающегося общения на предмет обнаружения ликоугрожающих (*face-threatening*) иллюзий, вызывающих нарушение коммуникативной и социальной гармонии, а также к незамедлительной работе по смягчению (митигации) этих иллюзий (*facework, redressive action*) и восстановлению или поддержанию зыбкого баланса общения. Такой взгляд на коммуникацию, как видим, не оставляет места для описания разворачивающейся между собеседниками конфронтации, что априори выводит невежливое дискурсивное поведение за рамки исследовательского интереса.

Не менее губительными для создания адекватной методологии изучения невежливости как неотъемлемой части общения являются и попытки современных исследователей соотносить ее с аномальным, отклоняющимся от дискурсивной нормы феноменом. Так, Б. Фразер однозначно определяет невежливость как поведение, противоречащее не-

ким априори заданным социальным нормам, предписывающим индивидам определенные контекстно уместные действия [11, с. 220]. Такое видение невежливого поведения связано с абсолютизацией внешне установленных и жестко насаждаемых стереотипных правил поведения в обществе в виде (речевого) этикета [12, с. 72–73]. При этом в случае полного уподобления вежливых моделей поведения прескриптивным и регулятивным этикетным правилам из поля внимания ускользает собственно дискурсивная природа невежливости, так как этикетное поведение интерактанта оценивается исключительно в соответствии с тем, как он употребляет или не употребляет определенный набор «волшебных» слов (напр., *спасибо, извините* и т.д.), магическая сила которых приравнивается к «словесным поглаживаниям» [12, с.76] в ритуализированных типах интеракции (приветствие, прощание и т.д.). Абсолютно очевидно, что «этикетное» понимание невежливости в значительной степени упрощает сложный дискурсивный характер этого явления и идет в разрез с «золотым правилом» дискурсивного анализа, постулирующим гибкую, динамическую и подлежащую контекстной переоценке (*negotiable*) природу коммуникативных смыслов [13, с. 79].

При обсуждении места, которое невежливость занимает в современных лингвистических исследованиях, нельзя обойти вниманием и тот факт, что данная форма коммуникативного поведения зачастую рассматривается не как самостоятельный, рационально выбранный вектор коммуникации, а сквозь призму и на фоне вежливости. В результате невежливость зачастую не рассматривается как полноправный объект лингвистического анализа, довольствуясь ролью «младшего брата», а не искусно конструируемой коммуникативной универсалии, присущей многим, если не всем, типам дискурса. Как следствие, невежливость описывается с помощью того же терминологического аппарата, что и вежливость [см., напр., 5] или через поляризацию оценочных характеристик на двунаправленной шкале «вежливость – невежливость» [см., напр., 2], что дает основание Дж. Кулпеперу заявить о том, что изучение невежливости «паразитирует» на исследовании вежливости [14, с. 355].

Вместе с тем ряд лингвистов [15; 16] утверждает, что теоретическая модель вежливости не должна включать изучение невежливости, так как эти две формы коммуникативного поведения характеризуются различными механизмами реализации и не могут быть адекватно описаны как две стороны одной медали. С одной стороны, такой взгляд на дискурсивную природу невежливости приписывает ей паритетный статус как объекта изучения в сравнении с вежливостью. С другой стороны, методологически изолированное изучение обоих феноменов нарушает базовый научный принцип бритвы Оккама, призывающий не преумножать сущности без крайней необходимости. Несмотря на то, что этот вопрос продолжает вызывать научные споры, позволим себе заметить, что динамично-процессуальная природа дискурса открывает потенциальные возможности использования альтернативных стратегий вежливости и невежливости в одном и том же типе интеракции и, более того, в рамках одного дискурсивного события, что означает, что невежливость как форма коммуникативного поведения не может изучаться в полном отрыве от вежливости, хотя и имеет право на собственные методологические нюансы.

Своеобразным компромиссом в вопросе уравнивания статусов вежливости и невежливости как объектов изучения может выступить теория управления гармонией межличностных отношений (*rapport management*) Х. Спенсер-Оути [17]. Принципиально избегая использования терминов вежливость/невежливость и отталкиваясь от описания коммуникативного поведения интерактантов на фоне постоянно меняющегося социального контекста общения, Х. Спенсер-Оути указывает, что усилия говорящего по управлению гармонией межличностных отношений могут быть ориентированы на улучшение гармонии (*rapport enhancement*), поддержание гармонии (*rapport maintenance*), пренебрежение гармонией (*rapport neglect*) и саботаж гармонии (*rapport challenge*). Примечательно, что все четыре «режима» общения составляют коммуникативную норму и с точки зрения управления межличностными отношениями находятся в паритетных отношениях. Саботаж гармонии межличностных отношений, безусловно, ближе всего соотносится с невежливостью и характеризуется целенаправленной деятельностью говорящего по причинению ущерба взаимоотношениям с адресатом. Более того, отталкиваясь от приводимой М. Хоу [18] оппозиции «ожидаемая (*anticipated*) вежливость – выводимая (*inferred*) вежливость», можно говорить об ожидаемой невежливости как форме поведения, соответствующей ситуативно обусловленным нормам ожидания интерактантов. Иначе говоря, собеседники расценивают невежливое поведение как потенциально возможное и уместное в конкретной ситуации. Типичным примером ожидаемой невежливости могут служить язвительные ответы на предложения о знакомстве (Ср.: 1) *A: I didn't know angels flew so low. B: I didn't know losers aimed so high.* 2) *A: Your face must turn a few heads. B: And your face must turn a few stomachs*). Очевидно, что подобные невежливые ответные реплики расцениваются инициатором знакомства как ситуативная норма, включенная в его когнитивный сценарий ситуации романтического знакомства как потенциально возможный коммуникативный ход.

(Не)вежливость 1 и (не)вежливость 2

В современных исследованиях намечилось два основных противостоящих друг другу подхода к теоретическому описанию вежливого коммуникативного поведения, которые условно принято называть вежливостью первого порядка (*first-order politeness*) (или вежливость 1) и вежливостью второго порядка (*second-order politeness*) (или вежливость 2). По аналогии с данным разграничением можно выделить невежливость 1 и невежливость 2 как два разных теоретических конструкта невежливого поведения. Прежде чем перейти к обсуждению различий между ними, остановимся на истоках данного разграничения, идущих от противопоставления вежливости 1 и вежливости 2.

Вежливость второго порядка как теоретическая модель хронологически предшествует вежливости первого порядка, которая развивается на волне дискурсивно-ориентированных исследований и принятия постмодернизма в качестве основной парадигмы гуманитарных наук. Основоположниками теории вежливости 2 являются П. Браун и С. Левинсон [1], которые рассматривают вежливость как коммуникативную стратегию говорящего, направленную на избежание дисгармонии и антагонизма во взаимодействии со слушающим и заключающуюся в рациональном выборе оптимальных языковых

средств, априори ориентированных на уменьшение (митигацию) ликоугрожающего эффекта от осуществления речевых действий. Такая перспектива, накладываемая на речевое взаимодействие, в значительной мере отталкивается от описания коммуникативного поведения некоего совокупного и усредненного интерактанта (model person), действующего в рамках ограниченного выбора коммуникативных средств и контекстных условий (сводимых к трем основным параметрам: социально-психологическая дистанция (distance), социальная власть (power) и степень вмешательства (rank of imposition)). Данные социопрагматические параметры интроспективно определяются лингвистом-исследователем с целью теоретического обобщения и моделирования вежливости как универсального социолингвистического факта, а отнюдь не как дискурсивного феномена, являющегося неотъемлемой частью любой коммуникации.

В дальнейшем в духе идей П. Браун и С. Левинсона теоретическое осмысление вежливости предлагается в трудах Дж. Лич [5], Р. Лакофф [10], Дж. Хоулмз [19], Х. Спенсер-Оути [18] и др. Не соглашаясь во многом с оригинальной концепцией вежливости как стратегией ликобережения, полемизируя в основном в духе конструктивной критики со своими предшественниками и модифицируя в различной степени предложенный ими инструментальный анализ вежливого поведения, данные исследователи тем не менее не могут полностью отойти от того теоретического конструкта, который был предложен П. Браун и С. Левинсоном. Объединяющим звеном данного направления исследования вежливости является стремление к созданию универсальной теоретической модели вежливости, которая позволяет дедуктивно систематизировать бесконечное множество дискурсивных практик и обобщить их через обозримое количество коммуникативных стратегий вежливости, рационально выбираемых говорящим при оценке релевантных параметров социопрагматического контекста. Отметим также, что в данном подходе наряду с адресатом ведущая роль интерпретатора того или иного коммуникативного выбора как реализации вежливости или невежливости отводится, как правило, лингвисту-аналитику, обладающему достаточным уровнем метаязыкового знания для вынесения такой оценки. Опосредованный статус оценки исследователя (внешнего наблюдателя) и обуславливает название, закрепившееся за данным подходом к исследованию вежливости – вежливость второго порядка.

Не имея возможности в рамках настоящей статьи детально рассмотреть особенности модели вежливости второго порядка, отметим кратко те аспекты теории П. Браун и С. Левинсона¹, которые подвергаются наибольшей критике со стороны последователей противоположного направления изучения вежливости. Среди наиболее уязвимых для критики положений зачастую указываются следующие: игнорирование обывательской оценки вежливости, то есть оценки самих участников общения и в первую очередь – адресата; притязание на универсальность на фоне доказанной нерелевантности стратегии негативной вежливости для азиатских лингвокультур;

упрощенное представление о дискурсивном контексте и анализ минимального контекста; трактование вежливости как устойчивой сформированной до момента общения (pre-given and pre-defined) нормы, нежели как контексто-зависимого феномена; игнорирование конфликтных интеракций; порождающий характер модели, устанавливающий линейные соответствия между целями и средствами говорящего [1; 16].

Принимая во внимание слабые места теории вежливости второго порядка, но предпочитая тем не менее оставаться в рамках методологической парадигмы, предложенной П. Браун и С. Левинсоном, исследователи невежливости второго порядка [4; 5; 20] трактуют данную форму коммуникативного поведения как глобальную ликоповреждающую (face-damaging) или ликоатакующую (face-attacking) стратегию говорящего по отношению к адресату (и в отдельных случаях по отношению к себе). При таком понимании невежливости исследовательский интерес фокусируется на: 1) приоритетности оценки адресата при интерпретации невежливости [20] либо обоюдной оценки и адресанта, и адресата [4]; 2) намеренности/ненамеренности ликоповреждающей иллокуции и ее успешности/ неуспешности [4; 5]; 3) немитигированных актах как разновидности невежливости [4; 5; 20]; 4) реконтекстуализации и дискурсивному переосмыслению форм вежливости и невежливости (сарказм как притворная вежливость и подтрунивание (banter) как притворная невежливость). Глобальная ликоповреждающая стратегия в модели вежливости каждого исследователя получает дальнейшую детализацию в виде локальных стратегий [20], конституирующих максимум [5] и сценариев [4].

Теоретический подход к описанию вежливости, который условно называется моделью вежливости первого порядка (или вежливость 1), выстраивается на полном непринятии вежливости 2. Наиболее последовательно данное направление анализа вежливости оформляется в работах Р. Уотса [1], С. Миллз [16], Дж. Илен [15]. Отправной точкой для данных исследователей является постмодернистский постулат о том, что век грандиозных научных теорий, претендующих на исчерпывающее и всеохватывающее описание эмпирии и обладающих не только запредельной объяснительной силой, но и мощнейшим прогностическим потенциалом, ушел. На смену коммуникативно-функциональной парадигме пришел дискурсивный подход, отвергающий саму возможность построения стройной непротиворечивой теории вежливости в силу высокой степени ситуативной привязанности и нестабильности порождаемых в дискурсе смыслов. Апологеты модели вежливости первого порядка с осторожностью относятся к выдвиганию каких-либо обобщений и фокусируются на процессуальной и контекстуальной природе этого явления, при этом допуская некоторую хаотичность и эклектичность в своих теоретических взглядах в связи с тем, что в каждой ситуации общения будут действовать уникальные факторы. Вежливость при таком ракурсе исследования не является ни чем-либо привнесенным в общение, ни результатом общения, это – ситуативно порождаемая обывательская (laymen) оценка разворачивающейся интеракции, выносимая самими интерактантами с точки зрения соответствия или несоответствия поведения друг друга достаточно размытому критерию социопрагматической уместности [1]. Исследователь-наблюдатель, как видим, в такой моде-

¹ И отчасти теорий их последователей, которые сами носят конструктивно-критический характер по отношению к теории П. Браун и С. Левинсона и частично преодолевают указанные далее ограничения.

ли вежливого поведения полностью выводится на периферию, а интерпретация форм поведения интерактантов идет сквозь призму сложившихся у них в процессе социализации и предыдущего коммуникативного опыта достаточно гибких установок относительно того, как должен выстраиваться определенный тип дискурсивного взаимодействия (activity type).

Выдвижение на первый план уместности как характеристики дискурсивного взаимодействия в модели Р. Уотса приводит к тому, что и вежливость, и невежливость становятся маркированными формами речевого поведения. Вежливость 1 и невежливость 1 располагаются на разных полюсах двунаправленной шкалы, точкой отсчета которой становится так называемое благоразумное (politic) поведение, описываемое как социально уместное (не маркированное) поведение, соответствующее сформировавшимся для определенного дискурсивного формата нормам ожидания [1, с. 13]. Вежливое поведение при этом понимается как избыточный лингвистический вклад в конкретную ситуацию общения, превышающий нормы ожидания, а невежливость – как недостаточный лингвистический вклад в общение с точки зрения представлений участников интеракции.

Безусловным прорывом в дискурсивном осмыслении невежливости является тезис о том, что невежливость не является неким наносным, извне привнесенным в общение понятием, а представляет собой непосредственную дискурсивную практику, возникающую в конкретных условиях общения и оцениваемую негативно самими участниками в свете знакомых им моделей уместного поведения в конкретной ситуации. Более того, дискурсивный подход к описанию невежливости категорически отвергает существование ингерентно (не)вежливых языковых форм, что важно при описании неоднозначной роли речевого этикета в общении (см. подробнее ниже). Подчеркивая процессуальный и порождаемый характер невежливости в дискурсе, модель невежливости первого порядка дает возможность рассматривать невежливое поведение как ресурс, к которому говорящий получает доступ для того, чтобы достичь своих стратегических целей. Так, всем знакомыми являются ситуации, когда коммуникант, перебивая собеседника либо беря на себя неуместные полномочия модерировать ход дискуссии, стремится утвердить свою власть (коммуникативное доминирование). Власть в данном случае не является тем первичным социопрагматическим параметром контекста, оценивания который, говорящий планирует свои действия, а наоборот, представляет собой стратегическую цель, которую говорящий достигает за счет невежливой модели поведения.

Вместе с тем нельзя не признать тот факт, что, воздерживаясь от теоретических обобщений и не стремясь к прогнозированию сценариев невежливого поведения, дискурсивная теория невежливости покидает «твердую почву» истинно научного познания, подменяя абстрактные теоретические конструкции размытыми наивно-бытовыми представлениями (lay notions) участников общения. По справедливому замечанию Д. Бусфилда, участники общения не обладают адекватным метазнанием и метаязыком теоретического описания [4, с. 115–116], что делает их интерпретации непоследовательными и невалидными для научного осмысления. Из этого следует, что лингвист-аналитик, способный систе-

матизировать и обобщить полученные опытные данные, не может оставаться за рамками осмысленной (не)вежливости, хотя, безусловно, в отличие от предыдущих парадигм научного знания, его роль не должна абсолютизироваться.

Своеобразным компромиссом в споре о том, чья интерпретация конкретного коммуникативного поведения как вежливого или невежливого должна быть приоритетной, выступает подход к анализу вежливости, предложенный М. Теркурафи и основанный на обращении к фреймам как когнитивным схемам, хранящим и обобщающим социокультурное знание о предыдущем опыте дискурсивного взаимодействия индивида. Полемизируя с прототипической моделью вежливости второго порядка, исследователь заявляет, что «вежливость не сводится к рационально вычисленному выбору, а представляет собой опривыченную форму поведения» [21, с. 250]. При этом вежливость (в отличие от невежливости) является такой формой общения, уместность которой не вызывает вопросов и замечаний у интерактантов [21, с. 248]. При таком взгляде на проблему определения лингвистической вежливости под ней понимается опытно приобретенная форма вербального поведения, которая фиксируется в сознании коммуниканта как фрейм, представляющий собой конвенционально закрепленную ассоциацию определенных языковых средств с конкретными дискурсивными практиками.

Рекуррентность ассоциативной связи между речевым контекстом и языковой формой, уместность данной формы и ее общая положительная оценка адресатом становятся основными критериями определения вежливого поведения во фреймовом подходе, позволяющем учитывать оценочные интерпретации как участников общения, так и лингвиста-наблюдателя. По аналогии невежливость в таком случае может рассматриваться как коммуникативно неуместное поведение, отрицательно оцениваемое адресатом и представленное в когнитивных сценариях обоих участников общения как несоответствующее сложившимся нормам поведения в конкретных дискурсивных событиях. Принимая во внимание значительный объяснительный потенциал такой теоретической модели невежливости, укажем тем не менее, что в своей дискурсивной практике мы далеко не всегда оперируем конвенционально закрепленными средствами вежливости и невежливости, адекватная интерпретация которых требует минимального дискурсивного контекста. Зачастую вежливость и невежливость порождаются в форме неконвенциональных языковых средств, не включенных в имеющиеся у нас фреймы и требующих тонкой контекстной оценки разворачивающегося эпизода общения.

Невежливость и принцип кооперации

Как известно, фундаментальный принцип кооперации П. Грайса, заложивший основу инференционального подхода к исчислению интенции говорящего в прагмалингвистике, был сформулирован им следующим образом: «Делай свой вклад в разговор таким, какого требует данный момент именно в той ситуации, когда идет разговор, с той целью и в том направлении, куда идет разговор, в который ты вовлечён» [22]. Общеизвестно, что П. Грайс, хотя и выбирает форму инструкции, таким образом прописывает взаимные установки и ожидания коммуникантов относительно наиболее эффективного способа выстраивания интеракции. Иными словами, следование принципу кооперации гарантирует собесед-

никам оптимальное поддержание канала коммуникации в рабочем состоянии. Вместе с тем зачистую исследователи по-своему интерпретируют содержание данного принципа. Так, смещение акцента с процедурной стороны коммуникации на целеполагание приводит к тому, что некоторые лингвисты в качестве основного посыла данного принципа видят направление общения во взаимовыгодное русло для достижения общей для коммуникантов внеязыковой цели. Среди исследователей, занимающихся проблематикой лингвистической (не)вежливости, такую позицию занимают Фрейзер [11], Р. Уотс [1] и некоторые другие. Как следствие невежливое (конфликтное, конфронтационное и т.д.) общение при таком взгляде на кооперацию вступает в противоречие с самим принципом кооперации П. Грайса и классифицируется как некооперативное. Одним из решений данного парадокса Р. Уотс даже видит отказ от включения фундаментального принципа П. Грайса в методологию дискурсивно ориентированных исследований [1, с. 20].

Между тем приравнивание невежливой формы общения к некооперативному поведению в корне искажает суть данного явления. В самом деле, конфликтная коммуникация любого рода не была бы возможной либо сразу бы обрывалась в связи с тем, что разобщенность целей участников общения автоматически приводила бы к разрушению канала коммуникации. Вместе с тем реальная дискурсивная практика свидетельствует о противоположном: участники конфронтационного общения часто заинтересованы или вынуждены (в связи с дисбалансом дистрибуции коммуникативной власти) поддерживать канал общения открытым. Более того, по словам Д. Бусфилда, сама реализация невежливости предполагает то, что она должна быть транслирована [23, с. 29]. Учитывая это обстоятельство, следует еще раз обратить внимание на то, что принцип кооперации П. Грайса должен рассматриваться непосредственно как принцип «лингвистической» кооперации в том смысле, что он декларирует установки интерактантов на выбор и использование оптимальных языковых средств для эффективной передачи информации безотносительно к их внеязыковым (социальным) целям. Невежливое поведение, хотя и может быть социально некооперативным, как правило, всегда остается лингвистически кооперативным.

Подтверждением этому могут служить типичные дискурсивные контексты, в которых невежливость является не только потенциально возможным и ожидаемым, но и санкционированным (то есть институционально закрепленным) поведением. В качестве примеров таких типов взаимодействия (*activity types*) Дж. Лич приводит следующие: реалити-шоу, в которых ведущий «унижает» участников с целью изобличения их непрофессионализма, некомпетентности и т.д. (напр., британское телевизионное шоу «Слабое звено», в котором из-за демонстративно язвительного стиля общения ведущей (Ann Robinson) с участниками ей дали прозвище «королева подлости» (*пример наш – А. Б.*)); общение офицера с новобранцами, проходящими курс молодого бойца; допрос военнопленного или свидетеля преступления; предвзятый перекрестный допрос в суде; прерывание оратора и забрасывание каверзными вопросами (*heckling*) во время политических выступлений; принятая в нижней палате британского парламента практика еженедельного «допроса» премьер-министра лидером оппозиции (“Question

Time”) [5, с. 5–6]. Во всех приведенных типах интеракции нет ограничений на невежливое коммуникативное поведение одного из участников. При этом его собеседник поддерживает канал коммуникации в рабочем состоянии либо добровольно (как в случае с реалити-шоу «Слабое звено», учитывая его выбор участия в шоу), имея возможность попутно ответить колкостью на колкость (оборонительная невежливость), либо вынужденно в силу неравномерного распределения власти между участниками общения (как в случае с подготовкой новобранцев к армейской службе). Безусловно, санкционированная невежливость, как правило, имеет место в ситуациях, где один из коммуникантов априори наделен большей институциональной властью, которая в речевом контексте трансформируется и в коммуникативную власть, что дает ему право единолично определять ход и тон общения. Тем не менее, по справедливому замечанию Дж. Кулпепера, в ситуации «допроса» премьер-министра санкционированная невежливость лидера оппозиции не подкрепляется институциональной властью и определяется исключительно правом на коммуникативное доминирование, которое говорящий получает непосредственно в данном контексте [20, с. 393].

Ингерентно (не)вежливые языковые средства

Дискурсивно ориентированные модели изучения (не)вежливости ((не)вежливость первого порядка) остро ставят вопрос о невозможности выделения ингерентно вежливых и ингерентно невежливых языковых средств ввиду того, что любая языковая единица подвергается контекстному переосмыслению в дискурсе, в том числе в отношении ее ориентированности на вежливость или невежливость. (Не)вежливость той или иной формы определяется исключительно как ситуативная оценка, выносимая участниками общения на основе анализа ее уместности и соответствия тем нормам ожидания, которые сложились в данной лингвокультуре в отношении конкретных типов дискурсивного взаимодействия. При этом априори приклеенный ярлык «(не)вежливости» неуместен не только по отношению к языковым единицам, но и к дискурсивным стратегиям (стилям) и, собственно, речевым актам.

Что касается самих языковых единиц, то их внеконтекстная (не)вежливая интерпретация в значительной степени связана с теорией речевого этикета [12], определяющей репертуар «волшебных» языковых средств, по умолчанию используемых в основном в ритуализированных социальных ситуациях (приветствие, благодарность, комплимент и т.д.) для проявления уважения к собеседнику. Способность таких «волшебных» слов маркировать вежливость отмечается и в классических прагматически ориентированных трудах благодаря сформировавшейся конвенции их употребления, фиксирующей условную привязанность данных языковых форм в сознании носителей к определенным речевым контекстам. Тем не менее достаточно проблематичным в качестве маркера вежливости является оценка таких форм в следующих контекстах: *Go to hell, please!; Thank you very much for bothering me, it's deeply appreciated!; Thank you for nothing.* Данные минимальные контексты демонстрируют саркастическое употребление «волшебных» слов, причиняющее серьезный урон лицу собеседника. При этом присущая данным речевым формам маркированность в виде уподобления формальным прототипам этикетной вежливости является не чем иным, как интенсификатором невежливости. Неоднознач-

ную оценку может иметь и немаркированное употребление формулы благодарности *thank you* в ситуации, требующей эмфатической благодарности, что, скорее всего, будет расценено адресатом как *недостаточная вежливость (underpoliteness)* [5, с. 218], граничащая с невежливостью.

Абсолютно противоположную тенденцию проявляет инвективная лексика, употребляемая в контексте фамильярной шутливой беседы, напр., *Bye, you bitch; Hello, you bastard!* Реконтекстуализация подобных инвективных вокативов нейтрализует их дефолтную оскорбительную семантику, и они начинают функционировать как стратегическое средство реализации позитивной вежливости, сродни таким маркерам внутригрупповой принадлежности коммуникантов, как *mate, dude, bro* и т.д. Безусловно, гарантом такого вежливого употребления крайне невежливых обращений является очень близкая социально-психологическая дистанция между коммуникантами и паритетное распределение власти между ними. При таком ракурсе анализа функционирования бранной лексики становится неуместным описывать ее исключительно как средство выражения резко негативной оценки говорящего к предмету речи или как компенсаторную стратегию, используемую говорящим при недостатке у него номинативных или коммуникативных ресурсов. Инвективы являются мощнейшим инструментом установления, поддержания и даже цементирования особых межличностных отношений коммуникантов и стратегическим средством обеспечения когерентности дискурса.

С тех пор как научное сообщество познакомилось с теорией вежливости П. Браун и С. Левинсона и подвергло ее серьезной конструктивной критике, указанная ими стратегия реализации вежливости за счет митигирования ликоугрожающих иллокуций с помощью использования различных средств косвенности на формально-синтаксическом уровне высказывания была принята и доработана большинством исследователей. Косвенность языковых средств ассоциируется с тактичным, ненавязчивым поведением, дающим возможность говорящему снять с себя ответственность или отказаться от иллокуций, которые могут нанести урон своему лицу и лицу адресата. Между тем реальная дискурсивная практика показывает, что не наблюдается прямой корреляции между стратегиями косвенности и вежливым языковым поведением. Так, при сравнении высказываний (1) *Move out of the way!* и (2) *You'd make a better door than a window* далеко не всегда вторая реплика, которая представляет собой косвенный неконвенциональный директив, будет воспринята адресатом как более вежливая по сравнению с прямым директивом. Особенно показательными в этом отношении будут контексты, в которых говорящий обладает меньшей институциональной властью по сравнению с собеседником (напр., подчиненный – начальник). В связи с этим методология осмысления невежливости не должна всецело основываться на постулате о линейном соответствии между прямой формой реализации иллокуции и

невежливым поведением говорящего. Невежливость не замыкается на прямых или косвенных стратегиях речевого поведения, она имеет гораздо более сложный дискурсивный механизм реализации.

Настолько же проблематичной является и классификация отдельных речевых действий как ингерентно вежливых или невежливых. Хорошо известна классификация иллокуций Дж. Лича [5, с. 89], в рамках которой на основе соотношения иллокутивной цели говорящего и его социальной цели (приравняваемой к стремлению сохранить гармоничные отношения с адресатом), речевые акты подразделяются на конкурирующие (иллокуция конкурирует с социальной целью: приказ, просьба, совет и т.д.); приятельские (иллокуция совпадает с социальной целью: поздравления, комплименты, приглашения и т.д.); коллаборативные (иллокуция никак не соотносится с социальной целью: утверждение, инструкция, объявление и т.д.); конфликтующие (иллокуция вступает в конфликт с социальной целью: обвинение, угроза, выговор и т.д.). Только последний тип речевых действий однозначно трактуется Дж. Личем как невежливый в связи с тем, что прямо направлен на причинение адресату обиды (урон его позитивному лицу). Между тем речевой акт комплимента, попадающий у Дж. Лича в категорию «приятельских», как известно, далеко не всегда позитивно оценивается адресатом. В случае если там комплимент касается слишком интимного аспекта жизни адресата, он однозначно будет воспринят им как проявление невежливости в связи с тем, что говорящий переступает грань уместности в межличностном общении с ним. Аналогично просьба, зачастую описываемая как самый «вежливый» тип директивов и не попадающая в классификации Дж. Лича в категорию невежливых иллокуций, будет без сомнения оценена как невежливая адресатом, если его просят сделать что-то унижительное или неприличное.

Заключение

Подводя итог всему вышесказанному, еще раз заметим, что лингвистическая невежливость больше не может оставаться в статусе второстепенного и побочного объекта исследовательского интереса. Она является такой же неотъемлемой частью нашего речевого поведения, как и вежливость. И хотя обе коммуникативные универсалии, безусловно, тесно связаны друг с другом, представляется контрпродуктивным описывать невежливость исключительно как противоположность вежливости или как намеренное отсутствие вежливости. Описание дискурсивных механизмов порождения невежливости и способов ее интерпретации представляет серьезнейшую научную проблему, решением которой в перспективе станет создание унифицированной методологии теоретического осмысления всех типов конфронтационного поведения. В данной статье мы представили критический анализ наиболее дискуссионных вопросов исследования невежливости, окончательное решение которых приблизит нас к созданию единой научной модели невежливого речевого поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Brown, P. Universals in language usage: Politeness phenomena / P. Brown, S. Levinson // Questions and politeness: Strategies in social interaction. – Cambridge : Cambridge University Press, 1978. – P. 56–311.
2. Watts, R. J. Politeness / R.J. Watts. – New York : Cambridge University Press, 2003. – 306 p.

3. Bousfield, D. 'Never a truer word said in jest': A pragmalinguistic analysis of impoliteness as banter in Henry IV, Part 1 / D. Bousfield // *Contemporary Stylistics* [M. Lambrou, P. Stockwell (eds.)]. – London : Continuum Publishing Group, 2007. – P. 210–220.
4. Bousfield, D. Researching impoliteness and rudeness : issues and definitions / D. Bousfield // *Interpersonal pragmatics* [M.A. Locher, S.A. Graham (eds.)]. – Berlin/ New York : Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2010. – P. 101–134.
5. Leech, G. The pragmatics of politeness / G. Leech. – New York : Oxford University Press, 2014. – 350 p.
6. Sifianou, M. Politeness phenomena in England and Greece / M. Sifianou. – Oxford : Clarendon, 1992. – 268 p.
7. Rathmayr, R. Metadiscours et realite linguistique : l'exemple de la politesse russe / R. Rathmayr // *Pragmatics*. – Vol. 9(1). – P. 75–95.
8. Ide, S. The concept of politeness: an empirical study of American English and Japanese / S. Ide et al.] // *Politeness in language : Studies in its history, theory and practice* [R. Watts, S. Ide, K. Ehlich (eds.)]. Berlin : Mouton de Gruyter, 1999. – P. 281–297.
9. Leech, G.N. Principles of pragmatics / G.N. Leech. – New York : Longman, 1983. – 250 p.
10. Lakoff, R. The logic of politeness; or minding your p's and q's / R. Lakoff // *Chicago Linguistics Society*. – 1973. – Vol. 8. – P. 292–305.
11. Fraser, B. Perspectives on politeness / B. Fraser // *Journal of Pragmatics*. – 1990. – Vol. 14(2). – P. 219–236.
12. Формановская, Н.И. Культура общения и речевой этикет / Н.И. Формановская. – 2-е изд. – М. : ИКАР, 2005. – 250 с.
13. The handbook of discourse analysis / [D. Schiffrin, D. Tannen, H. Hamilton (eds.)]. – Wiley-Blackwell, 2001. – 872 p.
14. Culpeper, J. Towards an anatomy of impoliteness / J. Culpeper // *Journal of Pragmatics*. – 1996. – Vol. 25(3). – P. 349–367.
15. Eelen, G.A. Critique of politeness theories : Volume 1 (Encounters (Manchester, England) / G.A. Eelen. – Routledge, 2001. – 299 p.
16. Mills, S. Gender and politeness / S. Mills. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 270 p.
17. Spencer-Oatey, H. Culturally speaking. Culture, communication and politeness theory / H. Spencer-Oatey. – London : Continuum International Publishing Group, 2000. – 383 p.
18. Haugh, M. Anticipated versus inferred politeness / M. Haugh // *Multilingua*. – 2003. – Vol. 22 (4). – P. 397–413.
19. Holmes J. Women, men and politeness / J. Holmes. – London : Longman, 1995. – 254 p.
20. Culpeper, J. Politeness and impoliteness / J. Culpeper // *Handbook of pragmatics*. – 2011. – Vol. 5. – P. 391–436.
21. Terkourafi M. Beyond the micro-level in politeness research / M. Terkourafi // *Journal of politeness research: language, behaviour, culture*. – 1995. – Vol. 1(2). – P. 237–262.
22. Grice, H.P. Logic and Conversation / H.P. Grice // *Syntax and semantics 3 : Speech Acts* [P. Cole, J. Morgan (eds.)]. – New York: Academic Press, 1975. – P. 41–58.
23. Bousfield, D. Impoliteness in interaction/ D. Bousfield. – Amsterdam/ Philadelphia : John Benjamins, 2008. – 282 p.